

Чумакова Татьяна Викторовна

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ И. А. БУНИНА "ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА"

В статье рассматривается проблема модальности как категории художественного текста на материале романа И. А. Бунина. С позиции жанрового своеобразия произведения анализируются синтаксические средства выражения авторской модальности: монологичность повествования; конструкции, связанные с концептом "память"; семантическая контрастность хронотопа; интертекстуальность; риторические, медитативные вопросы, восклицательные предложения как речевые сигналы субъективности суждений и оценок повествователя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/54.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. I. С. 199-201. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81.367

Филологические науки

В статье рассматривается проблема модальности как категории художественного текста на материале романа И. А. Бунина. С позиции жанрового своеобразия произведения анализируются синтаксические средства выражения авторской модальности: моноличность повествования; конструкции, связанные с концептом «память»; семантическая контрастность хронотопа; интертекстуальность; риторические, медитативные вопросы, восклицательные предложения как речевые сигналы субъективности суждений и оценок повествователя.

Ключевые слова и фразы: авторская модальность; жанр; темпоральная и локальная детерминация; интертекстуальность; субъективность.

Чумакова Татьяна Викторовна, к. филол. н., доцент

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (филиал) в г. Арзамасе
chum_2013@mail.ru*

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ И. А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»[©]

Роман «Жизнь Арсеньева. Юность» (1927-1929, 1933) занимает особое место в творчестве И. А. Бунина. С одной стороны, его относят к ряду художественных автобиографий из жизни русского помещичьего дворянства, включающему такие классические произведения, как «Семейная хроника» С. Т. Аксакова, «Детство», «Отрочество», «Юность» Л. Н. Толстого. С другой стороны, роман близок к прозе мемуарного характера писателей русской эмиграции: «Юнкера» (1928-1932) А. И. Куприна, «Богомолье» (1931) И. С. Шмелева, «Другие берега» (1954) В. В. Набокова.

Это произведение давно находится в поле зрения филологов: подводя итог многолетней истории изучения романа, Е. М. Болдырева отмечает, что «Жизнь Арсеньева» исследуется и литературоведами, и лингвистами, «попадая на перекрестье самых различных теоретических концепций и методов» [2, с. 8]. Сложной продолжает оставаться проблема жанровой идентификации романа. Разные определения жанра характеризуют «какую-то одну сторону произведения, но никогда – целое: “автобиография”, “лирический дневник”, “философская поэма”, “мозаика впечатлений”, “автобиография вымышленного лица”, “симфоническая картина”, “феноменологический роман”. Это свидетельствует о принципиальной новизне бунинского повествования, аналогов которому нет» [14, с. 16-17]. По словам К. Паустовского, в романе «проза сливается в одно <...> неразделимое целое с поэзией, когда нельзя уже отличить поэзию от прозы и когда каждое слово ложится на душу, как раскаленная печать» [13, с. 620].

Жанровое своеобразие обуславливает такие особенности организации текста романа, которые связаны «с авторской позицией, или авторской модальностью» [12, с. 167]. Модальность, будучи многоаспектной семантической категорией, является предметом лингвистических исследований не только единиц разных уровней системы языка, но и текста, в том числе художественного [7]. Модальность текста – это «выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций...» [5, с. 96-97].

Как отмечается в исследованиях творчества И. А. Бунина, авторское видение мира и человека – моноличное [10]. Наиболее законченную и отточенную форму оно получило в «Жизни Арсеньева» – романе, итоговом для И. А. Бунина [14, с. 14]. Моноличность автобиографической прозы реализуется в ряде устойчивых приемов построения текста: установка на воспоминание как основной текстообразующий принцип; взаимосвязь двух временных и пространственных планов; субъективность повествования [12, с. 32-33]. В данной статье анализируются некоторые из таких приемов, связанные с выражением авторской модальности: 1) синтаксические приметы «вспоминательности» повествования; 2) интертекстуальность; 3) способы передачи субъективного отношения автора к предмету речи.

Речевыми сигналами «вспоминательной» манеры повествования выступают многократно повторяющиеся конструкции с глаголом *помнить*, употребляющиеся как самостоятельно, так и в составе сложного целого: *Помню поездки к обедне, в Рождество* [4, с. 23]. Они частотны в первой и второй книгах романа, но реже встречаются дальше. Очевидно, это оправдано психологически: в сознании ребенка воспоминания как бы «вспыхивают» отдельными картинами-впечатлениями, почти не связанными между собой. Синтаксическое значение первого лица здесь в большей степени относится к герою, Алеше Арсеньеву, чем к автору. В то же время, в силу сложности лирического героя произведения (автор – персонаж), подобные предложения являются средством стилизации «дневниковости», намеренной фрагментарности текста.

Ассоциативность художественного повествования в романе связана с проблемой открытости границ между миром реальности и миром авторского восприятия прошлого, что может являться результатом одновременной работы *памяти* и *воображения*. Оперируя образами (*воображение, образы памяти*), они оказываются сближенными по характеру ментальной деятельности [3, с. 624]. Речевым сигналом авторской избирательности этого процесса и одновременно «стереоскопичности» [12, с. 230] описания выступает

конструкция с глаголом *вижу*: *Я мысленно вижу, осматриваю город. Там, при въезде в него, – древний мужской монастырь <...> времен Алексея Михайловича* [4, с. 64]. Предложения с глаголами *помню*, *вижу* «аккумулируют в себе сему “память”» [8, с. 67] и приобретают концептуальный характер, отражая результат авторского осмысления того или иного факта жизни, глубоко затронувшего душу писателя.

Аналогичную функцию приметы обращения к прошлому, но более актуализированному, выполняют предложения с частицей *вот*, с которых начинаются своеобразные «изображения – фотографии» героя в усадьбе, городе, гимназии и т.п.: *Вот я за усадьбой, в поле...* [4, с. 11]; *Вот сентябрь, вечер. Я брожу по городу...* [Там же, с. 66]. Это создаёт эффект присутствия прошлого в настоящем, придаёт воспоминаниям «резкость», чёткость.

В романе события изображаются с пространственно-временной позиции повествователя [8]. Эти характеристики оформляются предложениями с темпоральными и локальными детерминантами, служащими «вехами» развития авторского монолога. В первой книге преобладают конструкции с пространственными детерминантами, организующими текст, то есть с них начинаются сложные синтаксические целые, описывающие то, как «мир всё расширялся перед нами» [4, с. 19]: *Всюду была своя прелесть!*.. [Там же]; *В Харькове я сразу попал в совершенно новый для меня мир...* [Там же, с. 163].

В других книгах чаще используется темпоральная детерминация, что, по-видимому, можно объяснить взрослением героя: течение времени почти не заметно в детстве и проявляется в сознании позже. Как правило, такие структуры употребляются в начале глав или связывают фрагменты повествования, повторяясь в тексте: *В ту весну мне шёл всего шестнадцатый год* [Там же, с. 116]; *В ту осень пусто, тихо было в нашем доме* [Там же, с. 155].

Повествование-монолог приобретает характер живописания, усиливается композиционность воспоминаний, картин, описывающих природу, интерьер, внешность персонажей, при употреблении номинативных, эллиптических конструкций: *В долинах под Белгородом милая скромность празднично-цветущих вишнёвых садов, мелом белеющих хат* [Там же, с. 255]. Номинативы и эллипсисы позволяют свободно смещать временной и персональный планы воспоминаний: детство, отрочество (героя-автора), эмиграция (автора), поездка с Ликой на юг России (героя-автора). Кроме того, они расширяют перспективу повествования: изображаемое, представленное «крупным планом», актуально и для героя, непосредственно воспринимающего его, и для автора, которому важны не столько реалии действительности, сколько чувства, вызванные картинами-впечатлениями: *Целая жизнь прошла с тех пор. Россия, Орел, весна... И вот, Франция, юг, средиземные зимние дни* [Там же, с. 186]. В этом отрывке лаконично, философски глубоко раскрыта контрастность хронотопа [1, с. 234] жизни повествователя: Россия – весна (подзаголовок романа «Юность»), Франция – зима. Бунин «конструирует» себя – прошлого, юного, но уже в соответствии с представлениями зрелого периода жизни» [10, с. 50].

Авторская модальность воплощается и в интертекстуальности романа, включающего цитаты из древнерусских летописей, библейских текстов, произведений русской литературы XIX в. Использование «чужого слова» [12, с. 223] создаёт новые ракурсы повествования, раскрывает авторские интенции, направленные на осознание времени, пространства, нации, рода, духа, творчества. Роман начинается с цитаты из древнего текста, которая служит своеобразным эпиграфом, заключающим в себе цель автора, – не быть преданным «гробу забывчивости». Мотивы непрерывности жизни, памяти о своих предках звучат в молитвах, описаниях «святых мистерий», укрепляющих душу героя: *«Слава святей, единосущней», – слышу я знакомый милый голос, слабо долетающий из алтаря, и уже всю службу стою я зачарованный* [4, с. 75].

Подробное и эмоциональное цитирование Лермонтова, Никитина, Гоголя и особенно Пушкина раскрывает глубокую впечатлительность героя, его упоение красотой и богатством слова, жажду «встречи с музой»: *Что же до моей юности, то вся она прошла с Пушкиным. ... «Как привидение, за роцею сосновой луна туманная взойшла», – и душа моя полна несказанными мечтами о той, неведомой, созданной им и навеки пленившей меня...* [Там же, с. 126-127].

Не случайно и обращение к тексту «Слова о полку Игореве»: странствия героя (Донец, Киев, Курск, Путивль) вызывают внутреннее ощущение связи времён, пленительности древней и современной южной Руси, великого и богатого края, «колыбели славянства»: *...и как рассказать, что пело тогда во мне вместе с этой весной и песней об Игоре? «Солнце светится на небеси, Игорь Князь в Русьской земле!»* [Там же, с. 180-181]. Интертекстуальность, выступая важной структурно-семантической составляющей повествования в «Жизни Арсеньева», раскрывает «глубоко национальный» характер произведения [14, с. 20] и является одним из средств выражения авторской лирической экспрессии.

Субъективный аспект авторской модальности, отражающий «отношение говорящего к содержанию высказывания» [6, с. 87], реализуется в таких синтаксических конструкциях, как риторические, рефлексивные вопросы, восклицания. Они встречаются на протяжении всего романа, с первой и до последней страницы. Это закономерно, так как они служат не для передачи информации, а для выражения чувств лирического героя.

Основная функция риторических вопросов – «так или иначе воздействовать на собеседника или читателя», то есть «эмотивно-прагматическая» [11, с. 236]. Коннотативный характер этих структур обусловлен наличием субъективно-модального значения уверенности в противоположном [9]. Собственно риторические вопросы входят в синонимические парадигмы с повествовательными предложениями: *О роде Арсеньевых, о его происхождении мне почти ничего не известно. Что мы вообще знаем!* [4, с. 7]. Ср.: *Ничего мы вообще не знаем!*

Чаще, чем собственно риторические, в тексте встречаются «авторские» вопросы, обращенные к читателю, к самому себе или в равной степени к читателю и автору. Они имитируют ход внутреннего размышления, представляющего собой «диалогизацию монологической речи» [9, с. 36]. Таким вопросам не свойственна синонимическая трансформация в повествовательные предложения. Накладываясь на внутреннюю и внешнюю монологичность романа, они стилистически подчёркивают субъективное, эмоциональное

отношение автора к сообщаемому: *Чем вообще были созданы «хождения в народ» дворянских детей, их восстание на самих себя, их сборища, споры, подполье, кровавые слова и действия? В сущности, дети были плоть от плоти, кость от кости своих отцов, тоже всячески прожигавших свою жизнь* [4, с. 84]. Такого рода диалоги-рассуждения характеризуют прежде всего автора, а не героя, так как раскрывают философско-этические, историко-политические взгляды и оценки, сложившиеся в результате многолетних раздумий о неизбежности течения времени и смерти, о причинах трагического пути России.

Наряду с «авторскими» и собственно риторическими в романе функционируют медитативные (или рефлексивные) вопросы, «воссоздающие особое интеллектуально-эмоциональное состояние лирического героя – состояние лирического размышления (сфера лирической медитации)» [9, с. 55]. Их специфика заключается в незнании говорящим ответа на выдвигаемые перед самим собой вопросы, поэтому они принципиально безответны. Семантика «незнания» обычно осложнена субъективно-модальными оттенками негативного отношения к предмету речи (неодобрением, неприятием, недоумением, сожалением и др.): *И почему вообще случилось то, что случилось с Россией, погибшей на наших глазах в такой волшебной краткой срок?* [4, с. 41]. Безответность выражает неотступность и мучительную неразрешимость подобных вопросов для лирического героя романа, их «открытость», обращенность к читателю актуализирует содержательную сторону, заставляет задуматься над ответами на них.

Субъективность, интонационная напряженность монологического повествования акцентируется предложениями-восклицаниями, раскрывающими склад характера автора и лирического героя: *И всё-таки больше всего был я с Пушкиным. Сколько чувств рождал он во мне! И как часто сопровождал я им свои собственные чувства и всё то, среди чего и чем я жил!* [Там же, с. 126]. Такие конструкции, включающие местоимения и наречия *какой, сколько, как*, очень часто употребляются в первых двух книгах романа и значительно реже – в других. Очевидно это обусловлено возрастными, психологическими изменениями героя, постепенным переходом от горячо-непосредственной внешней впечатлительности к внутренне-сосредоточенному созерцанию.

Отмеченные особенности построения текста: «вспоминательная» манера повествования, связанная с концептом «память»; семантическая контрастность хронотопа; интертекстуальность, развивающая «тему России во времени и пространстве» [14, с. 20]; необычная субъективность, эмоциональность, выраженная в высокой частоте риторических, медитативных вопросов и восклицаний, – синтаксически оформляют авторскую модальность и усиливают синкретизм жанра романа, сближая прозу с поэзией.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Болдырева Е. М. Автобиографический метатекст И. А. Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма: автореф. дисс. ... д. филол. н. Ярославль, 2007. 48 с.
3. Брагина Н. Г. «И к блямям небылиц без счету прилыгал». О границах между *памятью* и *воображением* // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2008. С. 624-636.
4. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 6. 339 с.
5. Валгина Н. С. Теория текста: учебное пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.
6. Вольф Е. М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ языка. Избранное. М.: Индрик, 2003. С. 87-101.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2005. 144 с.
8. Гаршина Е. А. Лексика с пространственно-временной семантикой в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30). Ч. 1. С. 67-69.
9. Калинин А. А. Структурные и семантические свойства синкретичных предложений, выделяемых по цели высказывания: дисс. ... к. филол. н. М., 1989. 207 с.
10. Карпов И. П. Проблемы типологии авторства в русской прозе конца XIX – начала XX века (И. Бунин, Л. Андреев, А. Ремизов): дисс. ... д. филол. н. М., 1998. 418 с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
12. Николина Н. А. Филологический анализ текста: учебное пособие. М.: Академия, 2003. 256 с.
13. Паустовский К. Г. Иван Бунин // Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Художественная литература, 1958. Т. 5. С. 618-621.
14. Переверзева Н. А. Мифосимволический контекст романа Бунина «Жизнь Арсеньева» // Филологические науки. 2010. № 3. С. 14-22.

SYNTACTIC MEANS FOR EXPRESSING AUTHOR'S MODALITY IN THE NOVEL BY I. A. BUNIN "THE LIFE OF ARSENEV"

Chumakova Tat'yana Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Branch) in Arzamas
chum_2013@mail.ru

The article examines the problem of modality as a category of literary text by the material of the novel by I. A. Bunin. From the viewpoint of genre originality of a literary work the paper analyzes syntactic means for expressing author's modality: monologic nature of a narration; constructions associated with the concept "memory"; semantic contrast of a chronotope; intertextuality; rhetorical, meditative questions; exclamatory sentences as speech signals of subjectivity of judgments and valuations of a narrator.

Key words and phrases: author's modality; genre; temporal and local determination; intertextuality; subjectivity.